

пражский автор, был, очевидно, очень беден, если возникла необходимость механически переносить данные с одного князя на другого.

Факт несомненен: Кристиан первый вводит в чешскую историю Борживоя, более ранняя агиография и прочие источники о нем молчат. Именно у Кристиана Борживой впервые вступает в историю как отец Спитигнева и Вратислава и, конечно, как муж Людмилы. Борживой — это продолжение княжеской генеалогии в глубину прошлого. Парадоксально, но факт: в последующие столетия эта генеалогия уходит еще дальше в прошлое, как бы «вопреки времени». Козьма знает еще больше, чем Кристиан, он пишет: «*Gostivit autem genuit Borivoj*» (I, 10), ему известна вся генеалогия языческих чешских князей от Пржемысла до Гостивита. И не только это. Эпоним княжеского рода Пржемысл получает достойную родню. Вещунья, у Кристиана безымянная, зовется у Козьмы Либушей, у нее отец Крок и две сестры. Процесс не остановился на Козьме, Гаек знает о семье Либуши еще больше, а в поздней историографии эпохи гуманизма XVI—XVII вв. родословие Пржемысловцев разрослось еще больше. Почти общепризнано, что Пржемысл — фигура мифическая. Но происхождение Борживоя — это серьезная историческая проблема. При наличии общей тенденции, прослеживаемой от Козьмы до Пешины, все более углублять в прошлое княжескую генеалогия уже «a priori» отец исторических князей Спитигнева и Вратислава не вызывает слишком большого доверия.

Борживой не вызывает также доверия и как муж Людмилы. Людмила — это опять-таки в первую очередь проблема источников Кристиана. Здесь в более ранней литературе вопроса произошла досадная путаница: источником Кристиана ошибочно считались памятники, которые, наоборот, сами зависят от его труда. В первую очередь из числа источников Кристиана нужно исключить легенду «*Diffundente*»: в настоящее время почти всеми она считается переработанными извлечениями из Кристиана, относящимися к XIV в. Далее нужно отнести к XI столетию, в частности в Сазавский монастырь, возникновение самостоятельной Людмилиной легенды «*Fuit*», а также старославянского жития Людмилы, из которого сохранилось только проложное извлечение. Оба памятника созданы на основе Кристиана. Именно он и является настоящим творцом Людмилиной легенды. До него о Людмиле были лишь намеки в Вацлавской агиографии. Это прежде всего упоминание о Людмиле у Гумпольда. Однако примечательно, что о родственных связях Людмилы с Пржемысловцами Гумпольд молчит. Сообщение о том, что Людмила — свекровь матери Вацлава, было, вероятно, еще до Кристиана интерполировано в наиболее раннюю Вацлавскую легенду «*Crescente*» (однако рукописи с текстом без этой интерполяции до нас не дошли). Наконец, искаженное отражение людмилинской традиции можно усмотреть и в 1-м старославянском житии Вацлава, где, судя по всему, вместо Людмилы выступает Драгомира.

Труд Кристиана — решающее звено в развитии Людмилиной легенды; он дал образу первой чешской святой завершенность и постоянство, позднейшая агиография добавила лишь незначительные подробности. В настоящее время трудно соблюсти должную меру при критике исторической основы Людмилиной легенды, установить равновесие между скепсисом и принятием на веру. Благоприятный признак, указывающий на прочность людмилинской традиции в Чехии X в., — ее широкое проникновение в рамки Вацлавской легенды: явственнее всего у Гумпольда, но также в «*Crescente*», в искаженном и путаном виде — в 1-м старославянском житии Вацлава. Вместе с тем Кристианова коди-